

Этнолингвистический комментарий к этимологии **nevěsta**

В традиционных представлениях невеста в решающий период обрядового «перехода» наделяется чертами сакральности: святостью, полезными или опасными магическими способностями, даром прорицания и демоническими свойствами, сближающими ее с мифологическим персонажем. В момент утраты прежних социальных связей и еще не установившихся новых невеста близко соприкасается с демоническим миром. Белорусы воспринимали невесту в этот переходный момент как «нечистого человека». В белорусских и украинских свадебных песнях люди в церкви и ее мать не узнают обвенчанную невесту. У белорусов, украинцев, хорватов, чехов в песнях или в самом обряде матери жениха сообщают, что ей привезли некое демоническое существо: завернутого черта, черта с болота, медведя или волчицу из темного леса («на народ як глянєць, дык народ аж вянець»). У приморских словенцев по прибытии молодых к дому жениха приезжих спрашивали: «Что вы привезли? Мы вас не знаем. Вы не здешние».

Неузнавание невесты в ее новом качестве согласуется с этимологией самого слова **nevěsta* как «неизвестная» [Фасмер, 3, 54–55]. Мотив опознавания невесты имеет и ритуальную форму выражения в свадебном обряде, обычно после венчания или других ритуальных действий, символизирующих заключение брака, причем препятствием для опознания чаще всего является новый (женский) головной убор невесты. В Заонежье такой ритуал происходил после перемены невесте прически и головного убора в доме жениха после венчания. Ему подавали зеркало и просили посмотреть, его ли это молодая. В восточной Словакии и в юго-восточной Болгарии молодым давали посмотреть в зеркало также после перемены невесте головного убора. До бракосочетания же невесте нередко запрещалось смотреть в зеркало, например у поляков – с момента одевания в венчальную одежду. Характерно, что и у болгар, и у словаков, и у русских молодые чаще всего смотрелись в зеркало обвенчанными, когда они уже считались супругами. Это не только должно было принести им удачу и взаимную любовь, но и имело смысл отождествления личности в новом статусе, восстановления и ритуального подтверждения своей идентичности.

В западной Болгарии, когда невесту привозили к жениху, лицо ее все еще было закрыто, молодые не должны были видеть друг друга. В Варненском округе невесте не раскрывали лицо и на второй день свадьбы: когда на нее приходили посмотреть родственники и односельчане жениха, они не должны были видеть ее лица, для них она должна была еще оставаться внешне неизвестной. С той же целью лицо

* Работа выполнена в рамках Программы ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей» (проект «Семантическая реконструкция народной духовной культуры славян»).

невесте закрывали покрывалом при выведении ее к приехавшим родственникам также в украинском Полесье. На Волыни к родственникам молодой за стол сажали сначала одну за другой двух подменных «невест», а когда наконец выводили настоящую невесту, пели песню, в которой представляли ее неузнаваемой: «Ведемо тура в хату, / А ти пізнавай, тату: / Чи тур, чи туриця, / Чи хороша молодиця». Причиной неузнавания был новый головной убор (покрывало замужней женщины), по сравнению с тем, в каком еще вчера ее видели родители. У словаков Зволена родители, приезжающие на свадьбу в дом жениха, также отказываются признавать невесту в женском уборе за свою дочь. У словаков Спиша после перемены невесте головного убора она спрашивала родителей жениха, узнают ли они ее в новом виде, а в районе Зволена сразу после завивания вызывали к невесте жениха и спрашивали, узнает ли он ее. Мотив опознавания невесты в шуточном, игровом виде присутствует и в выведении жениху подставной, мнимой «невесты», лицо которой обычно было закрыто платком. Например, у кашубов от того, удастся или нет жениху распознать невесту, зависело, удачным будет его брак или нет. Мотив неузнаваемости применительно к невесте выступает также и в мотивировке обычая из юго-восточной Болгарии: когда молодая вечером через день после свадьбы впервые отправляется в гости к своей матери, лицо ей снова закрывают покрывалом, а свекровь надевает на нее поверх одежды свою рубашку и выводит в таком виде невесту под зонтиком из дома, чтобы ее не узнали и чтобы «звезды ее не видели». В северо-восточной Болгарии на второй день свадьбы невесту с закрытым лицом отводили в родительский дом. Если она была из другого села, не все родственники ее могут узнать, но лица ее видеть не могут. При попытках приподнять покрывало невеста укрывается и никому не позволяет увидеть свое лицо.

Семантика неопознаваемости невесты, вскрываемая в этимологии ее наименования, связана с обрядовым «переходом», которому подвергается невеста, с символической смертью ее в прежнем качестве и «воскресением» в новом. Существенно и то, что этот «переход» сопровождается апотропейным по своей функции закрытием лица невесты, необходимого при идентификации внешности. Мотив неузнавания в связи со свадьбой и смертью встречается в новгородской примете: *Обознаться в человеке – к свадьбе или к покойнику*. Неопознанные внешне ассоциировались с отходящими в мир иной или вступающими в брак, которых объединяет отсутствие статусности в момент ритуального «перехода».

Л. Г. Гусева
Екатеринбург

Пермские глоссы в лексике свадебного обряда

Свадебный обряд – в том виде, в каком он существует сейчас, – значительно упрощен. Все меньше остается людей, знающих от своих дедов и прадедов о старинной свадьбе, помнящих строгую последовательность всех ее этапов, – вот почему